

УДК 316.644:316.347(=161.3)(438)

И. Д. РАСОЛЬКО
(МИНСК)

ВЕКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА БЕЛОРУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОГРАНИЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ ПОДЛЯШСКОГО ВОЕВОДСТВА

В работе представлен анализ особенностей содержания и направлений воспроизводства белорусской идентичности, сформированной в Подляшском воеводстве Польши. Осуществлен вторичный анализ статистических данных и результатов социологических исследований. Выявлены три взаимосвязанных направления (локальное, региональное, национальное) конструирования белорусской идентичности в Подляшском регионе.

Ключевые слова: идентичность; белорусская идентичность; Подляшье; Польша; Беларусь.

The article presents the results of the analysis of the peculiarities of the content and directions of the Belarusian identity reproduction, formed in Podlaskie voivodship (Poland). The statistical data and results of a number of sociological researches are given a secondary analysis to. Three interrelated vectors (local, regional, national ones) of the Belarusian identity construction in Podlasie are identified.

Key words: identity; Belarusian identity; Podlasie; Poland; Belarus.

Данная статья продолжает опубликованную ранее в журнале «Социология» (№ 1, 2013 г.) работу «Факторы воспроизводства белорусской идентичности в пограничных пространствах Польши и Литвы»¹, в которой на основе анализа статистических данных и количественной информации, полученной в ходе реализации международного исследовательского проекта ENRI-east (2008–2011), выявлены демографические, пространственные факторы, факторы-основания воспроизводства белорусской идентичности в Польше и Литве. Многомерный анализ позволил определить референтные группы, относительно которых происходит воспроизводство двух вариантов белорусской диаспоральной идентичности, а также латентные факторы ее воспроизводства.

Таким образом, результаты сравнительного анализа позволили выявить ряд особенностей пограничных вариантов белорусской идентичности. Мы подробнее рассмотрим не только содержание, но и направления воспроизводства белорусской идентичности в польских пограничных пространствах.

В первую очередь следует обратить внимание на компактность расселения представителей белорусского меньшинства в Польше. Абсолютное большинство носителей белорусской идентичности проживает в Подляшском воеводстве (северо-восточном регионе Польши, в котором сконцентрировано более 95 % представителей белорусского меньшинства), наиболее плотно данная этническая группа представлена в юго-восточных гминах Подляшья. Кроме того, наибольшую долю исследуемой нами группы составляют жители сельских населенных пунктов и малых городов.

Такой компактный формат расселения порождает феномен, при котором наиболее распространенная форма белорусской идентичности принимает локальное содержание.

Привязанность к локальному пространству представителей белорусского национального меньшинства, проживающих в Подляшском воеводстве Польши, выявлена по результатам опроса, проведенного в 1997 г. Центром социологических и полити-

ческих исследований (ЦСПИ) БГУ. Наиболее популярными ответами на вопрос «Что такое Родина для Вас в первую очередь?» были «место, где Вы родились» (38,9 %) и «город, деревня, поселок, в котором живете» (29,3 %), т. е. более половины носителей белорусской идентичности Родиной в первую очередь представляют локальные пространства, Польша как национальное пространство имела такое значение для 24,9 %, а Беларусь – для 9,4 %.

В дальнейшем устойчивость данной тенденции была подтверждена количественными результатами исследовательского проекта ENRI-east, которые позволили выявить отношение к различным группам через систему категорий, фиксирующих степень доверия определенным группам, близости к ним, гордости по поводу принадлежности к ним.

Большинство представителей исследуемого сообщества декларирует доверие, близости и гордость принадлежности к группе этнического меньшинства. Данные категории фиксируют наличие позитивных коннотаций с определенными феноменами (речь идет о социальных группах). В табл. 1 и 2 представлены рассчитанные индексы, характеризующие проявленность данных отношений к различным социальным группам. Для расчета применялась формула индекса значимости²:

$$I = a(1) + b(0,5) + c(0) + d(-0,5) + e(-1)/N,$$

где I – индекс значимости; N – общее число респондентов; a, b, c, d, e – количество респондентов, избравших соответствующий ответ; 1, 0,5, 0, -0,5, -1 – баллы, присвоенные вариантам ответов на вопрос. Значения индекса могут принимать значения от -1 (отсутствие выраженности измеряемого отношения) до +1 (максимальная выраженность измеряемого отношения)*.

Данный индекс может применяться не только для измерения значимости, но и для замера выраженности и других отношений, в частности доверия, гордости и близости.

И хотя в теоретической социологии разработан ряд дефиниций понятия «доверие», рассматривающих данный феномен, например ожидание членов группы того, «что их соотарищи будут вести себя надежно и честно»³, в рамках анализа результатов эмпирического исследования мы не можем говорить, что респондентами категория «доверие» понимается в каком-то определенном смысле. Более того, само указание на то, что под доверием в данном определении понимается ожидание, говорит о том, что категория требует операционализации. Соответственно, в эмпирическом анализе мы можем с определенной уверенностью говорить только о том, что индексы доверия и гордости характеризуют наличие и степень проявления позитивных отношений социальных агентов по отношению к различным группам.

Таблица 1

Индексы группового доверия, в индексных весах

Переменные	Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете...			
	людям в общем	белорусам, живущим в Польше	полякам	белорусам
Значение индекса	0,45	0,55	0,45	0,47

Значения индекса доверия полякам и белорусам находятся на уровне доверия абстрактным людям, людям в принципе. Большее значение индекса характерно именно в отношении представителей группы белорусского меньшинства, т. е. представителям своей локальной или региональной группы. Немногим более рельефно тенденцию описывает система индексов, характеризующих степень проявленности чувства гордости по поводу принадлежности к различным группам (табл. 2).

* При расчете индексов и коэффициентов корреляции в массив не включались респонденты, выбравшие вариант «поляк» на вопрос «Из следующего списка, пожалуйста, выберите утверждение, которое лучше всего описывает Ваш этнический статус», так как в данном случае о респонденте сложно говорить как о носителе белорусской идентичности.

Индексы групповой гордости, в индексных весах

Переменные	Насколько Вы гордитесь тем, что Вы...				
	белорус	поляк	белорус, живущий в Польше (представитель белорусского меньшинства в Польше)	происходите из восточно-европейского региона	европеец
Значение индекса	0,63	0,51	0,73	0,46	0,48

В контексте пространственных переменных оценивалась и близость к группе этнического меньшинства, в значениях индексных весов показатель которого составил 0,62. Наиболее близким пространством явились пространство Польши (0,74) и пространство населенного пункта текущего проживания (0,83). Корреляционный и факторный анализ позволили сделать вывод, что декларируемая *большинством подляшских белорусов* близость к группе этнического меньшинства связана главным образом с близостью к локальному пространству, а не к национальным пространствам⁴.

Анализ системы категорий «доверие – гордость – близость» демонстрирует устойчивую доминирующую значимость именно референтной группы меньшинства, а не национальных «воображаемых сообществ»⁵. Белорусскость, воспроизводимая на локальной основе, не соотносится с пространством Беларуси и формирует дистанцию от польского большинства.

Выраженная локальность связана и с замкнутостью исследуемых групп. Большая часть контактов происходит внутри сообществ. Контакты с представителями метрополии минимизированы, круг друзей в большинстве случаев не выходит за рамки локального этнического сообщества. В медийных предпочтениях доминируют традиционные типы СМИ (пресса, радио, телевидение) при низкой доле пользователей интернета, обладающего потенциалом уменьшения пространственных дистанций.

Подобная замкнутость ведет к формированию особого содержания белорусской идентичности, которая может быть обозначена как ненациональная по своему содержанию.

Данный тезис требует уточнения. Когда речь идет о белорусскости, следует понимать, что это многоаспектное понятие. Белорусскость может трактоваться как гражданская, национальная, территориальная, этнокультурная идентичность. Это обстоятельство ставит задачу через содержание ответов респондентов определить тип воспроизводимой белорусской идентичности.

Прежде всего следует определить границы категории «национальное», так как данный термин представляется одним из наиболее неоднозначных в этносоциологии. Расширенный характер категории «нация» связан с существованием как различных теоретических подходов к ее определению, так и двух современных моделей нации: этнонации и нации гражданской. В предыдущей статье на основе факторного анализа было продемонстрировано, что высказывания о содержании белорусскости представителями меньшинства формируются в соответствии с обозначенными моделями. Факторный анализ позволил выделить две группы переменных, одна из которых содержит маркеры гражданской идентичности, другая – этнокультурной.

Таким образом, национальная идентичность может проявляться как в гражданском аспекте, так и в этнокультурном. В исследовании белорусской идентичности в качестве преодоления терминологических сложностей применялся подход, основанный на соотношении (отождествлении) национальной и этнической идентичности⁶. Этот подход весьма перспективен, так как снимает проблему пересечения понятий в социологическом анализе. Однако в исследовании пограничных диаспоральных идентичностей он требует уточнения. Во-первых, в данных ситуациях идентичность формируется и воспроизводится в контексте как минимум двух национальных проектов (принимающего государства и государства происхождения). При этом может существовать несколько национальных проектов, относящихся к одному государству. Во-вторых, как уже отмечалось, национальные проекты, взаимодействующие в одном пространстве, могут фундаментироваться на различных основаниях: как этнокультурных, так и гражданских.

Следовательно, редукция системы категорий до пары «этнокультурная – гражданская» в исследовании диаспоральных пограничных идентичностей не позволяет рассмотреть данные пространства не только как этнокультурные и государственные, но

и как национальные пограничья через процесс взаимодействия национальных проектов. Соответственно, в комплексном анализе пограничных диаспоральных идентичностей необходимо использовать все три категории.

Преодоление сложностей, связанных с пересечением понятий, видится через введение дополнительных индикаторов, позволяющих выявить отношение социальных агентов к взаимодействующим национальным проектам.

В качестве исходного аналитического понятия предлагаем использовать термин «национальный проект» как совокупность идей, определяющих содержание символических основ и направление консолидации нации как «воображаемого сообщества».

Одним из таких индикаторов отношения к национальному проекту является упомянутая выше близость к пространствам национальных государств. Пространство может быть как реально очерченным существующими государственными границами, так и идеальным, оформленным желаемыми границами проектируемого национального государства. Например, как в случае идеи Теодора Герцеля о создании еврейского национального государства⁷ или проекта Юзефа Пилсудского по восстановлению Речи Посполитой на федеративных основаниях. В любом случае данные пространства представляют собой необходимую основу национального проекта, стремящегося к реализации в национальном государстве.

Как отмечалось выше, символическая близость к пространству Республики Беларусь нехарактерна для представителей исследуемой группы, что заключается не только в отсутствии контактов с представителями белорусской идентичности, но и в непроявленности близости к пространству современного белорусского государства. При этом значительным количеством белорусов Подляшья декларируется близость к Польше.

Однако в гражданском аспекте заметна дистанция меньшинства от польских государственных и гражданских институтов, выявленная проектом ENRI-east (табл. 3). Наименьшим доверием пользуются ключевые государственные органы: правительство и парламент.

Таблица 3

Индексы институционального доверия, в индексных весах

Переменные	Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете...				
	польскому парламенту	польским СМИ	польской полиции	польскому правительству	польским судам
Значение индекса	–0,25	0,12	0,35	–0,18	0,04

Учитывая, что близость к Польше связана с близостью к локальному пространству, значение коэффициента корреляции Спирмана (ρ) составило 0,45, а при расчете частной корреляции между близостью к Польше и близостью к группе меньшинства с исключением переменной, характеризующей близость к локальному пространству, корреляционная связь оказалась незначимой ($\rho > 0,05$), можно выдвинуть тезис, что декларируемая близость к Польше основана на том, что в ее контексте существуют близкие подляшским белорусам локальные пространства. Таким образом, можно говорить об ограниченной близости к обоим национальным государствам.

С другой стороны, степень проявленности национального и этнокультурного компонентов в белорусской идентичности может быть выявлена через соотношение представлений о белорусскости и польскости (табл. 4).

Таблица 4

Индексы значимости оснований польской и белорусской идентичности, в индексных весах

Переменные	Значения индекса	Переменные	Значения индекса
Родиться в Польше	0,37	Родиться в Беларуси	–0,12
Иметь польское гражданство	0,41	Иметь белорусское гражданство	–0,06

Переменные	Значения индекса	Переменные	Значения индекса
Прожить в Польше большую часть жизни	0,30	Прожить в Беларуси большую часть жизни	-0,18
Говорить на польском языке	0,71	Говорить на белорусском языке	0,63
Быть католиком	-0,01	Быть православным	0,70
Уважать политическую систему и законы Польши	0,46	Уважать политическую систему и законы Беларуси	0,13
Чувствовать себя поляком	0,77	Чувствовать себя белорусом	0,74
Иметь предков – поляков	0,66	Иметь предков – белорусов	0,60

Проводя сравнение данных, представленных в табл. 4, необходимо отметить, что три компонента устойчиво значимы для представлений о польской и белорусской идентичности. Речь идет о конструктивистском, генетическом и лингвистическом компонентах. Что касается различий, то если основой воспроизводства белорусскости в ответах представителей белорусского меньшинства в большей степени являются этнокультурные факторы, то в содержании польскости сравнительно большее значение начинают принимать гражданские компоненты («родиться в Польше», «иметь польское гражданство», «прожить большую часть жизни в Польше», «уважать политическую систему и законы Польши»).

Лингвистический фактор значим в определении как белорусской, так и польской идентичности. Основываясь на корреляционном анализе (табл. 5), можно предположить, что польский язык выступает не только этнокультурным, но и адаптивным и гражданским компонентом, так как является государственным языком, владение которым позволяет осуществлять коммуникацию с внешними по отношению к сообществу социальными субъектами.

Таблица 5

Сила связи лингвистического компонента с другими компонентами польской идентичности в представлениях носителей белорусской подляшской идентичности, в значениях коэффициентов корреляции Спирмана

Переменные	Значения коэффициента
Родиться в Польше	0,45
Иметь польское гражданство	0,45
Прожить большую часть жизни в Польше	0,42
Говорить на польском языке	1,0
Быть католиком	0,25
Уважать политическую систему и законы Польши	0,5
Чувствовать себя поляком	0,38
Иметь предков – поляков	0,42

Таким образом, если исследуемая форма белорусскости фундируется в первую очередь на этнокультурных компонентах, то представления о польскости – в большей степени на гражданских. Такое понимание польскости и белорусскости по разным основаниям способствует укреплению феномена двойных идентичностей. По данным опроса ENRI-east, большинство носителей белорусской идентичности определяет себя как «поляки белорусского происхождения» (59,3 %) и «белорусы, проживающие в Польше (представители белорусского этнического меньшинства)» (36,6 %). Одно-

значное определение «я белорус» выбрали менее 3 % носителей белорусской идентичности⁸.

Понимание польскости именно как идентичности гражданской позволяет сохранять носителям белорусский этноним и способствует аккультурации и включению носителей данных типов идентичностей в польский гражданский проект.

Особый интерес представляют и существенные различия в значимости конфессионального фактора. В представлении носителей белорусской идентичности, проживающих в Подляшье, данный параметр наименее значим для определения содержания польской идентичности, в то время как принадлежность к православной конфессии является для них одним из главных оснований белорусскости (см. табл. 5). Более того, религиозная самоидентификация доминирует в идентификационной матрице белорусов Подляшья⁹.

Доминанта религиозности над этничностью и гражданственностью вместе с воспроизводством идентичности в достаточно замкнутых социальных пространствах позволяет говорить о формировании специфического типа идентичности, обозначенного Энтони Гидденсом как традиционный¹⁰. Данный тип предшествует современному посттрадиционному типу идентичности, который становится «предметом выбора, приобретает рефлексивный характер и предстает как “рефлексивная мобилизация” и “рефлексивный проект”»¹¹. Таким образом, традиционная домодерновая идентичность едва ли может квалифицироваться как идентичность национальная, которая сама продукт модерна.

Следует обратить внимание на то, что опрос, на основании которого сделаны выводы, проводился преимущественно в сельских населенных пунктах, с наибольшей долей белорусского населения. Данные населенные пункты расположены в юго-восточной части Подляшского воеводства, районах с наибольшей концентрацией белорусского населения (в 16 юго-восточных гминах Подляшья по данным переписи 2002 г. проживает более 70 % белорусов Польши)¹².

Однако это не единственное пространство, в котором воспроизводится белорусская подляшская идентичность. В качестве другого пространства представим административный центр воеводства – г. Белосток. Хотя белорусское население Белостока составляет всего 2,6 % от числа жителей города, относительно численности белорусов Польши доля белорусов г. Белостока составляет 15 %¹³. В г. Белостоке, согласно списку организаций белорусского зарубежья, составленному ЗБС «Бацькаўшчына», представлено наибольшее число диаспоральных институтов по сравнению с другими польскими городами¹⁴. В г. Белостоке функционирует более 10 белорусских диаспоральных организаций, находятся редакции крупных белорусских СМИ: радио «Рацыя», печатного еженедельника «Ніва», ежемесячного журнала «Czasopis».

Учитывая, что данный город – центр воеводства, а доля белорусов в нем незначительна, имеет смысл предположить, что белорусская идентичность воспроизводится в данном социальном пространстве на других основаниях по сравнению с локальными пространствами. Учитывая значительное количество диаспоральных институтов, г. Белосток может рассматриваться в качестве одного из центров конструирования и воспроизводства белорусскости.

Чтобы рассмотреть особенности подобного институционального способа конструирования белорусскости, имеет смысл обратиться к результатам качественных и качественно-количественных исследований, проведенных в рамках проекта ENRI-east. Наибольший интерес представляет анализ документов. В рамках проекта анализировалось содержание сайтов белорусских диаспоральных организаций Польши. Исследователями акцент сделан на количественной информации о соотношении тематик публикаций на сайтах белорусских институтов Польши. Однако для выявления и анализа направлений конструирования белорусской идентичности нас в большей степени интересует качественная информация, выраженная в нарративах публичного пространства. Для решения данной задачи массив анализируемых веб-материалов был отрецензирован с учетом поставленной задачи и увеличения объема текстов с момента завершения проекта ENRI-east. Анализ не претендует на всеохватывающий характер, достаточен для выявления основных тенденций в развитии конструирования подляшской белорусскости. Таким образом, рассматривались тексты представителей белорусского меньшинства, содержащие высказывания об основаниях, содержании и динамике белорусской подляшской идентичности.

В ходе комплексного анализа выявлены три вектора конструирования белорусской идентичности, выделенные в соответствии с подходом к взаимодействию с традиционной формой белорусской идентичности.

Первый вектор связан с воспроизводством белорусскости на локальных основаниях. Данный тип воспроизводства подробно рассмотрен выше. Особенность его в том, что по локальному вектору белорусскость воспроизводится не столько в рамках организованного конструирования, сколько на повседневных практиках и этнокультурных основаниях, присутствующих в локальных традиционных пространствах.

Данный профиль идентичности может быть охарактеризован как кризисный, о чем свидетельствует сама социально-демографическая структура белорусского подляшского меньшинства. Как уже отмечалось, белорусские сообщества в Польше сконцентрированы преимущественно в сельских гминах и малых городах. Кроме того, в возрастной структуре белорусского меньшинства присутствует значительная доля пожилого населения¹⁵.

В результате процесса старения происходит естественное сокращение численности белорусского меньшинства. Если в 2002 г. общее число жителей Польши, идентифицирующих себя белорусами, составило 48,7 тыс., то в 2011 г. данный показатель составил 47 тыс.¹⁶ Следует учитывать, что в отличие от переписи 2002 г. перепись 2011 г. предусматривала возможность выбора двух идентификаций. При нулевой динамике такая методика должна повышать показатель общей численности носителей той или иной идентичности по сравнению с замерами, предусматривающими выбор одной этнической идентичности. Снижение численности при переходе к новой методике замера позволяет предположить, что отрицательная динамика имела более интенсивный характер, чем приведенные показатели. Несмотря на устойчивость содержания и наличие соответствующего социального пространства, старение ведет к превращению локальной белорусскости в реликтовую форму идентичности.

Высказывается мнение, что селско-городская миграция типична для Подляшского региона¹⁷. Это способно размывать локальные сообщества и способствовать лагтеизации локальной белорусской идентичности. Для поддержания белорусскости в иных пространствах, вероятно, необходим поиск новых, более универсальных оснований.

Кроме того, современная социальная динамика, предполагающая урбанизацию, развитие средств массовой коммуникации и усложнение социальной структуры, размывает данные пространства, поэтому ожидается постепенное сужение традиционных социальных пространств.

Несмотря на неинституциональный характер своего воспроизводства, локальная белорусская идентичность является базой для конструктивистской работы, суть которой зачастую сводится к преобразованию данной идентичности, ставит ее на новые основания, актуальные для современных социальных пространств.

С решением данной задачи связана ориентация второго вектора, который направлен на инкорпорирование социальных агентов в национальное консолидированное сообщество и может быть обозначен как национальный.

Как отмечает С. В. Донских, с 1990-х гг. в белорусском социально-гуманитарном знании начался этап, связанный с осмыслением и утверждением «белорусского национального дискурса»¹⁸. Данный тренд отразился и в конструировании белорусской идентичности. В рассмотренных нарративах он выражается в применении характерных для данного дискурса категорий («нация», «национальное государство», «национальное пространство» и т. д.). В содержательном аспекте конкретным его проявлением стала критика понимания подляшской белорусскости как сугубо этнографического и локального феномена:

«У тагачасных медыях надзвычай рэдка згадвалася беларусаў і ніколі іначай, як толькі этнаграфічнага з'явішча. Даволі сказаць, што адзінай формай беларускай дзейнасці тае пары, якая не падлягала рэстрыкцыйным абмежаванням, былі фальклорныя спявацкія калектывы і драматычныя гурткі з вясковым рэпертуарам»¹⁹.

«У адпаведнасці з такой сітуацыяй адбывалася палітыка афіцыйных уладаў да беларусаў. Ім яны ўяўляліся накшталт кашубаў, шлянзакаў, і падобным да іх рэгіянальных з'яваў»²⁰.

Такая критика закономерна, так как классические современные национальные проекты направлены на ассимиляцию локальной инаковости, ее включения в них. *Инаковость внутри национального проекта нежелательна, следовательно, при ее наличии она постулируется как незначимая или принимаются другие меры по ее нивелированию.* В рамках национального дискурса необходимым процессом видится переход от локальных оснований к национальным, так как локальные основания недостаточны для национальной консолидации. В пограничных случаях это становится характерным для национальных проектов и принимающего государства и государства

происхождения. Кроме того, в рамках классического национального дискурса закономерно и конфликтное взаимодействие двух национальных проектов.

Однако специфика рассматриваемого национального дискурса в том, что внутри национального зачастую проявляется региональный вектор, фиксирующий отличие подляшских белорусов от белорусов, проживающих в Беларуси: «яны [беларусы Падляшша. — *І. Р.*] дадуць пачатак новай беларускай нацыі ў Еўропе, а менавіта нацыі беларускамоўных беларусаў як супрацьлегласць расейскамоўных за ўсходнім кардонам. Адсюль магчымая капітальная выснова: перастанем быць беларускай нацыянальнай меншасцю ў Польшчы і Еўропе, перафармаваўшыся ў беларускамоўны малы народ Еўропы, што пражывае ў еўразвязавай Польшчы»²¹. Приведенное выше высказывание по содержанию может рассматриваться как соответствующее регионалистскому дискурсу, но из-за доминирования национального дискурса оперирует соответствующим категориальным аппаратом.

Более рельефно региональный вектор проявлен в текстах Яна Максимюка, посвященных проекту кодификации подляшского языка (*Svoja mova*) как самодостаточного языка повседневной коммуникации в локальных сообществах региона.

Следует отметить, что в отличие от национализма регионализм не стремится инкорпорировать уникальные формы локальности в национальный проект, а наоборот, высвечивает их, постулирует их самодостаточность, подчеркивая уникальность и субъектность региона («Беларускасьць на Падляшшы — гэта “Беларусь сама для сябе”, канструкцыя цывілізацыйна, сьветапоглядна і моўна моцна адрозная ад Рэспублікі Беларусь»²²). В данном случае центральным понятием данного подхода является национально-нейтральная категория *Svoja mova*. Однако это не препятствует тому, что подходы, вырабатываемые в данном направлении, могут сочетаться с национальным вектором. Например, Ян Максимюк отмечает, что «белорусам в Белостокском регионе нужно четко понимать, что, если подляшцы потеряют свой язык, можно будет говорить о том, что белорусское национальное меньшинство в Польше полностью ассимилировано поляками»²³. И это несмотря на то, что подляшский язык «ближе к украинскому, чем белорусскому литературному стандарту с точки зрения его фонетических и морфологических характеристик»²⁴.

О перспективности данного вектора может свидетельствовать тот факт, что лингвистический регионализм является теоретическим конструктом, а также имеет определенный отклик в самом регионе. Согласно предварительным результатам переписи 2011 г., зафиксировано не только число определяющих язык домашнего использования как белорусский (26 448 чел.), но и количество тех, кто определяет язык домашнего использования как говор польско-белорусского пограничья (669 чел.), белорусский говор/*język prosty* (549 чел.), белорусско-украинский говор (516 чел.)²⁵. С учетом того, что все специфические региональные понятия, используемые для определения языка домашней коммуникации, в той или иной мере отсылают к белорусскости, лингвистический компонент, несмотря на региональные особенности, остается существенным идентификационным маркером подляшской белорусскости.

Направление развития региональной идентичности соответствует теории глокализации, согласно которой «глобализация не может снять противоречия между «гомогенным – гетерогенным», «универсальным – партикулярным» в пользу гомогенного и универсального. Наоборот, она может добиться успеха лишь посредством адаптации к локальным формам бытия культуры, к местным традициям и даже за счет их экспорта в другие страны и регионы»²⁶. Глокализация позволяет вывести регион на уровень автономной субъектности в обход национального государства, но при этом ставит перед ним вызов – сохранить уникальность и субъектность. Таким образом, развитие региональной идентичности в контексте процессов глокализации имеет потенциал в наибольшей степени сохранять локальные особенности, обращая внимание на их самодостаточность, адаптируя их к глобальной эпохе.

Воспроизводится три вектора развития белорусскости. Локальный вектор сопряжен с базисным типом местной белорусскости в жизненном мире. Два других вектора объединяет то, что они оба направлены на конструирование «воображаемых сообществ» на имеющихся основаниях.

Все три вектора переплетены и взаимосвязаны. Например, с одной стороны, региональный вектор может способствовать сохранению определенных аспектов локальной идентичности. С другой стороны, он косвенно способен обеспечивать и воспроизводство национальной белорусскости.

Это еще раз подчеркивает многоаспектный характер белорусской подляшской идентичности, пограничность которой не ограничивается территориальными, нацио-

нальными или этнокультурными аспектами. Речь идет о пограничье между традиционными локальными, современными национальными и постсовременными глокальными структурами, т. е. между самими принципами организации пространства.

Учитывая тенденции, зафиксированные в переписях населения Польши, можно предположить, что три вектора станут действовать совместно. В локальных сообществах, вероятно, продолжится сокращение численности за счет старения населения. Будет продолжаться процесс конструирования белорусскости. Национальный дискурс сегодня доминирует в восточноевропейском пограничье, региональный подход также имеет значительный потенциал за счет особенностей подляшской белорусскости, ее относительной дистанцированности от национальных проектов и широкой представленности локальной идентичности.

Дальнейшая динамика подляшской белорусскости будет зависеть и от позиции национальных государств, социальных агентов. Речь не только о деятелях диаспоральных организаций и медиа, но и о каждом заинтересованном индивиде, который благодаря развитию коммуникативного поля сам способен участвовать в конструктивной работе, воздействовать на характер конфигурации взаимодействия идентичностей, определяющего не только путь развития идентичности (инкорпорацию в национальный проект или формирование собственной субъектности), но и характер взаимодействия меньшинства и национальных государств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ См.: Расолько И. Д. Факторы воспроизводства белорусской идентичности в пограничных пространствах Польши и Литвы // Социология. 2013. № 1. С. 116–129.
- ² См.: Оперативные социологические исследования: методика и опыт организации / под ред. Д. Г. Ротмана, А. Н. Данилова, Л. Г. Новиковой. Минск, 2001. С. 184.
- ³ Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. М., 2002. С. 129.
- ⁴ См.: Расолько И. Д. Указ. соч.
- ⁵ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.
- ⁶ См.: Науменко Л. И. Этническая идентичность белорусов: содержание, динамика, региональная и социально-демографическая специфика // Институт социально-политических исследований РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isprnas.ru/pics/File/Rus_Bel/br-111-132.pdf (дата обращения: 03.02.2014).
- ⁷ См.: Герцель Т. Еврейское государство [Электронный ресурс]. URL: <http://heblit.org/text.php?ge=publicist&ac=th&tc=thjs> (дата обращения: 03.02.2014).
- ⁸ См.: Zieliński K., Cześniak-Zielińska M., Matysiak L., Domaradzka A., Widła Ł., Heinrich H., Alekseeva O. Research report № 10 Belarusian minority in Poland // ENRI-East Project [Электронный ресурс]. URL: <http://www.enri-east.net/wp-content/plugins/download-monitor/download.php?id=619> (дата обращения: 14.02.2013).
- ⁹ Ibid. P. 24.
- ¹⁰ См.: Giddens A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Cambridge, 1991.
- ¹¹ Беспамятных Н. Н. Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности. Минск, 2009. С. 46–47.
- ¹² См.: Wyniki Narodowego Spisu Powszechnego Ludności i Mieszkań 2002 w zakresie deklarowanej narodowości oraz języka używanego w domu // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. URL: <http://demografia.stat.gov.pl/bazademografia/NSP2002.aspx> (дата обращения: 01.02.2014).
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Арганізацыі. Польшча // Згуртаванне беларусаў свету «Бацькаўшчына» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zbsb.org/node/6946> (дата звароту: 01.02.2014).
- ¹⁵ См.: Zieliński K., Cześniak-Zielińska M., Matysiak L., Domaradzka A., Widła Ł., Heinrich H., Alekseeva O. Op. cit. P. 12.
- ¹⁶ См.: Ludność. Stan i struktura demograficzno-społeczna. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011 // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/LUD_ludnosc_stan_str_dem_spo_NSP2011.pdf (дата обращения: 01.02.2014).
- ¹⁷ См.: Zieliński K., Cześniak-Zielińska M., Matysiak L., Domaradzka A., Widła Ł., Heinrich H., Alekseeva O. Op. cit. P. 49.
- ¹⁸ Донских С. В. Теория глокализации и проблема сущности локальной культуры // Философия и соц. науки. 2012. № 1/2. С. 4.
- ¹⁹ Яновіч С. К. Без моладзі няма нацыі // Sonca.org [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sonca.org/biez-moladzi-niama-nacyi.html> (дата звароту: 01.02.2014).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Максимюк Я. Нялюбая сястра Беларусі // Прайдзісвет. Часопіс перакладной літаратуры [Электронны рэсурс]. Рэжым доступу: <http://www.prajdzisvet.org/mova/10-nialjubajasiastra-bielarusi.html> (дата звароту: 01.02.2014).

²³ Maksimiuk J. An Unclaimed Creative Potential or the Belarusians in the Bialystok Region as a Trilingual People [Электронный ресурс]. URL: http://pravapis.org/art_belarusian_poland.asp (дата обращения: 01.02.2014).

²⁴ Там же.

²⁵ См.: *Ludność. Stan i struktura demograficzno-społeczna. Narodowy Spis Powszechny Ludności i Mieszkań 2011* // Główny Urząd Statystyczny [Электронный ресурс]. URL: http://www.stat.gov.pl/cps/rde/xbcr/gus/LUD_ludnosc_stan_str_dem_spo_NSP2011.pdf (дата обращения: 01.02.2014).

²⁶ Донских С. В. Указ. соч. С. 5.

Поступила в редакцию 03.01.2014.

УДК 331.25+368.43]:316.422(476)

О. Г. ЛУКАШОВА
(МИНСК)

ВОСПРИЯТИЕ НАСЕЛЕНИЕМ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ИННОВАЦИЙ В ПЕНСИОННОЙ СФЕРЕ

Исследуется общественное мнение населения Беларуси по вопросам инноваций в пенсионной системе страны, удовлетворенность населения пенсионным обеспечением. В контексте инновационных изменений в пенсионной сфере анализируется вероятность распространения протестных настроений, отношение населения к повышению пенсионного возраста, введению накопительного компонента в действующую пенсионную систему.

Ключевые слова: социальная сфера; инновации; пенсионная система; социальная защита; общественное мнение.

The Belarusian population's public opinion on innovations in the country's pension system and its satisfaction with the pension insurance are studied. In the context of innovative changes in the pension sphere the population's attitude to increasing the retirement age, introducing a funded component into the existing pension system, as well as a probability of the spread of protest moods are given analysis to.

Key words: social sphere; innovations; pension system; social protection; public opinion.

В условиях структурной перестройки и перехода белорусской экономики на инновационную модель развития особую важность приобретают вопросы совершенствования государственной политики в области занятости и социальной защиты населения в целях обеспечения высокого уровня благосостояния белорусского народа, достойной финансовой поддержки граждан, достигших пенсионного возраста.

Пенсионная система – важнейший институт, он значим как для экономики страны, так и для каждого гражданина. Поэтому особую актуальность приобретает исследование новых подходов, методов и социальных технологий в системе социальной поддержки и содействия в трудоустройстве различных социально-демографических категорий населения, в том числе законодательных инноваций по стимулированию эффективной занятости и повышению трудовой мотивации работников предпенсионного и пенсионного возраста. Учитывая процессы депопуляции в Беларуси в последние годы, принимая во внимание процессы сокращения трудовых ресурсов, можно говорить об актуализации проблемы сохранения кадров специалистов и квалифицированных рабочих на предприятиях и в организациях республики путем эффективного использования ресурсного потенциала старшего поколения граждан страны.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в 2011 г. в органах по труду, занятости и социальной защите населения состояли на учете 2 487 000 пенсионеров. В 2012 г. их число увеличилось до 2 512 000 чел. (101,0 % по отношению к предыдущему году). При этом почти каждый четвертый (587 тыс. чел.) продолжал трудовую деятельность, что составило 23,4 % от численности пенсионеров 2012 г., зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите населения¹.